

YU ISSN 0350-185x

UDK 808

ИНСТИТУТ ЗА СРПСКОХРВАТСКИ ЈЕЗИК

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

XLVI

Уређивачки одбор:

*др Даринка Гортан-Премк, др Ирена Грицкат, др Милка Ивић,
др Павле Ивић, др Радослав Катичић, Блаже Конески, др Тине Логар,
др Александар Младеновић, др Асим Пецо, др Митар Пешикан,
др Живојин Станојчић, др Драго Ђупић, др Егон Фекете*

Главни уредник:

МИЛКА ИВИЋ

БЕОГРАД

1990

А. Н. СОБОЛЕВ
(СССР)

ЗАМЕТКИ О ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМАХ СЕРБОХОРВАТСКИХ ГОВОРОВ КОНТАКТНЫХ ЗОН

Традиционная балканистика, определяя положение сербохорватского языка в кругу балканских как периферийное (см., например, Попов 1984, с. 43, со ссылкой на мнения Г. Бирнбаума, Г. Шаллера и В. Георгиева), усматривает его значение для балканской лингвистики, во-первых, в рассмотрении ряда проблем, связанных с пограничным торлакским (призренско-тимокским) диалектом (Schaller 1975, s. 72), во-вторых, в исследовании вопроса, „в какой степени распространяются и, в пространственном отношении, как далеко заходят типичные балканизмы на территорию сербохорватского языка“ (Бирнбаум 1968, с. 79; см. об этом же и Sedlaček 1970, 291), в-третьих, в изучении степени проникновения и функционирования балканизмов в стандартном языке (Попов 1984, с. 28—37). К последним двум направлениям, как представляется, примыкают и исследования И. Грицкат о балканских инновациях в памятниках сербской письменности.

В центре внимания всех этих исследований обычно стоит балканизм, понимаемый как инновация. Различая инициацию (initiation) и распространение (spread) балканской инновации, обычно признают, что её возникновение исторически является прежде всего результатом языковых контактов, но так как наши сведения об инициации очень ограничены и её невозможно наблюдать непосредственно, то источником информации оказывается распространение (spread) новообразования, изучение которого и поставлено в современной балканистической сербокroatистике во главу угла. Однако, традиционные представления о значении сербохорватского языка для балканистики могут быть значительно дополнены, если обратиться именно к исследованию процессов инициации балканизмов непосредственно в контакте. Это возможно сделать на материале сербохорватских говоров контактных зон.

Таковыми, по всей видимости, можно считать современные говоры сербохорватского языка, контактирующие (или контактировавшие в прошлом) с неславянским балканским языком и приобретающие в результате контакта балканские структурные черты. Эти говоры,

однако, в географическом и лингвистическом смысле не принадлежат балканославянскому языковому континууму, и появляющиеся в них балканизмы не являются инфильтратом из смежных балканославянских диалектов. На территории распространения сербохорватского языка можно выделить черногорскую и банатскую контактные зоны (зоны, соответственно, славяно-албанского (ранее славяно-албанско-романского) и славяно-румынского контакта); к говорам контактных зон следует причислить также и описанный П. Ивичем диалект галипольских сербов, длительное время взаимодействовавший с новогреческим языком.

Зона сербо-албанского лингвоэтнического контакта, называемая нами „черногорской“, начала складываться в 7—8 в.в. ряде районов Черногории и Северной Албании с появлением здесь славянского населения, в отличие от славянского элемента в Центральной и Южной Албании принадлежавшего не к болгаромакедонской, а к сербской группе (Селищев 1931, с. 50, 56). Хотя условия этнического контакта в данной зоне в средние века выяснены далеко не в достаточной мере, сам факт его существования подтверждается свидетельствами ряда исторических документов, например, данными описания Скадарского округа начала 15 века, согласно которым, как писал А. М. Селищев, „многие сёла в этом крае были смешанными — там жили славяне и албанцы“ (Селищев 1931, с. 85). В Диоклетии (Зете) в 14—15 в.в. албанская речь, выйдя из употребления, была заменена сербской (Селищев, 1931, с. 79). Достаточно полные сведения о взаимоотношениях двух этносов на территории Черногории представлены в монументальном труде П. А. Ровинского, материал которого позволяет составить довольно чёткую картину распространения албанского элемента по различным районам интересующей нас зоны, определить его роль в формировании этноязыкового облика отдельных племён.

В Краине ещё в 11 веке было сербское население, но уже в ряде грамот сербских кралей „местами прямо упоминаются арбанаси и особенно краинские; это означает, что в Краине они держались массою“. К 19 веку сербское население этого района полностью албанизировалось, в то же время часть албанцев доселилась непосредственно из самой Албании (Ровинский 1897, с. 39, 44). В Црмнице, где былое присутствие албанцев подтверждается данными топонимии и свидетельствами памятников письменности (так, в грамоте краля Владислава Вранинскому монастырю 1242 г. упоминается право кочевавших со скотом албанцев на зимовку в сёлах (Ровинский 1897, с. 34)), есть, по утверждению П. А. Ровинского, роды албанского происхождения, так как до неманического периода арнаутов в этом районе было много, и „часть их только приняла сербский облик и, смешавшись с сербами, совершенно исчезла в сербской среде, а частью, может быть, и выселилась или осталась при пастушеском образе жизни в горах“ (Ровинский 1897, с. 3, 8, 40). В Риекской нахии также обнаруживаются следы албанского населения в топонимии и „есть целые роды на Цеклине, происшедшие из Албании“ (Ровинский 1897, с. 44, 8). То, что албанцы имелись и в Катунской нахии, подтверждается упоминанием „албанской межи“ в дарственной записи Иванбега 15 века (Ровинский 1897, с. 13). И в Лешанской нахии в 19 веке были доселенцы из Албании

(Ровинский 1897, с. 55). Даже в „совершенно албанском городе“ Улцине были семейства из Герцеговины и Боки; после 1878 г. эта „арнаутская область“ постепенно заселялась сербским элементом (Ровинский 1897, с. 7, 127).

В этническом составе черногорского племени Кучи, как писал П. А. Ровинский, „мы имеем... три наслоения: первое население, о котором никто ничего не знает, это и есть старожилы. За ними следует доселение, вынужденное турецким гонением после падения сербского царства; это в массе было сербское население, с примесью однако из Албании. И наконец прямое доселение из Албании, которое создало сильный род Дрекаловичей, совершенно ассимилировавшийся с сербами и возобладавший в целых Кучах“ (Ровинский 1897, с. 81–82). Позднейшее доселение албанцев привело к принятию кучами албанских черт „как в физическом типе, так и в одежде, обычаях и нравах... Многие усвоили даже арнаутский язык. Так в Фундане всякий, кроме сербского языка, знает непременно и по-арнаутски; а жители Орахова до присоединения их к Черногории совсем не умели говорить по-сербски“ (Ровинский 1897, с. 84). В племени Затребач, представляющем собой „сбег из различных местностей Албании и Черногории“, преобладает албанский элемент, „и вследствие того все они говорят по-арнаутски... Впрочем, войдя в состав Черногории, они начали уже говорить по-сербски... (Ровинский 1897, с. 85). Отметим также и то, что, по свидетельству П. А. Ровинского, и албанское племя Хоти „до недавнего времени“ говорило по-сербски (Ровинский 1897, с. 13).

В настоящее время албанский этнический элемент обнаруживается в десятках населённых пунктов Черногории (районы Рожай, Плав, Титиград, Бар, Краина, Шестани, Улцинь) (Ђокај 1984, s. 180–181), а славянские семьи (включая и позднейших переселенцев) по данным А. М. Селищева в начале 20 века жили в Скадаре, во Браке, в Каменице, в Диригляте на Бояне (Селищев 1931, с. 91).

Вышеприведённый материал позволяет утверждать, что называемая нами черногорской зона сербо-албанского этноязыкового контакта непрерывно существует вот уже в течение тринадцати веков. Взаимодействие сербохорватского и албанского языков здесь происходило, во-первых, в результате непосредственного этнического смешения их носителей (Кучи, Затребач; отмечены также смешанные браки у мрковичей), во-вторых, осуществлялось при контактах на совместных пастбищах, что, как отмечал Л. Вуйович для черногорского племени Мрковичи и албанского Анамали, „с давних пор должно было быть причиной возникновения двустороннего билингвизма“ (Вујовић 1969, с. 79), при торговых операциях и на зимовках. Для языковой ситуации данной зоны характерно, и это уже не раз отмечалось в литературе, что ранее в контактных процессах участвовал также и романский элемент, который, однако, был гетерогенным: в городах функционировал далматинский язык, во внутренних областях — валашский (с дальнейшей ассимиляцией его носителей); можно также отметить и позднее венецианское и итальянское влияние. Вследствие этого, по справедливому замечанию М. Пижурницы, при исследовании результатов языковых смешений для сербохорватских

говоров Черногории „конкретная идентификация источников влияния иногда затруднена (например, отделение албанского от романского влияния), особенно в случаях, когда отдельные черты суть свойства большого числа языков, которые могли вступить в прямой контакт“ (Rižurica 1984, s. 86).

Настоящие заметки посвящены исследованию инноваций в сфере падежного и предложно-падежного синтаксиса сербохорватских говоров черногорской контактной зоны. Материалом для исследования послужили диалектологические описания говоров Црмницы, Мрковичей, Враки и „восточно-черногорского диалекта“.

В синтаксисе именного словосочетания исследуемых говоров инновационными являются процессы перехода от беспредложного управления определением, выраженным генитивом (домаћин куће), или от согласования определяемого слова с притяжательным прилагательным (кућни домаћин) к управлению предложно-падежному. В структуру субстантивной синтагмы активно проникает предлог ОД с генитивом, расширяющий спектр своих значений и сферу своего употребления таким образом, что это невозможно объяснить лишь внутриязыковым развитием (например, переносом значений).

При выражении определительных отношений конструкция с предлогом ОД может приобретать посессивное в широком смысле значение „источник, происхождение лица или предмета“: млеко о-краве; сир о-овце; млеко о-козе; месо о-вола (Вујовић 1969, с. 298); ла^ојно о-вола (Вујовић 1969, с. 369); ово ми је дијете о-сестре (Петровић 1974, с. 165); месо од-овце (Милетић 1940, с. 511); ови-је о(д)-Петине^ак (Вујовић 1969, с. 298). Вследствие определённого семантического сдвига конструкция ОД + генитив ед. числа имени какого-либо лица может приобретать значение „член семейства этого лица“. По словам М. Стевановича, в „восточночерногорском диалекте“, где „предлог ОД с генитивом существительного означает принадлежность, ... то же, что и притяжательное прилагательное, образованное от этого существительного“, конструкции типа: познаде ли ме које од Тодора = од Тодорових (Стевановић 1933, с. 97), послужили источником для образования новых: Бљеу ли отишли у млин од Богдана (Богданови)? Знаду ли од Томана (Томанови)? Ка ће од Станка у пазар (Станкови)? Ако те виде од војводе (војводи) неће ти дат да прођеш. Мисле ли од стрика (стрикови) у планину? (Стевановић 1933, с. 97). Здесь, как нам представляется, происходит определённая адвербиализация всего выражения с утратой предлогом ОД собственно предложной семантики. Подобные конструкции в значении „кто-либо из семейства“ отмечены и для говора Црмницы: Беше ли ко дома од Мила (Милетић 1940, с. 510).

Употребляется конструкция с ОД и в значении „часть предмета и весь предмет“: глава од-јагњета; очи о(д)-зеца (Милетић 1940, с. 510); праг от-куће (Милетић 1940, с. 511); глава о-змије (Вујовић 1969, с. 373); врата о-града (Вујовић 1969, с. 365); доша ми је на праг от куће (Петровић 1974, с. 164), а также „с какой-либо единицей управления“ (по терминологии Б. Милетича, Милетић 1940, с. 511) в значении, которое можно определить как близкое к чисто посессивному: старешина от-куће није дома; ће ви је

домаћин от-куће (Петровић 1974, с. 164); капетан од-гриба (велика мрежа); капетан о(т)-цијеле ове најје; командир о(д)-нашега баталијона; кмет о(т)-села (Милетић 1940, с. 510—511).

Часты примеры употребления предлога ОД и для обозначения „качественной характеристики лица или предмета“; чојак от-ријечи; чојак от-бесе (Петровић 1974, с. 164); лекар о-ранак (хирург); министар о(д)-нечеса (Вујовић 1969, с. 298). Сюда же можно отнести и пример *karte od igre* (Pižurica 1984, с. 94).

Традиционно сербохорватская диалектология считает появление конструкции типа *karte od igre* или *кмет од села* результатом романского влияния; одним из последних, например, это мнение высказал М. Пижурица (Pižurica 1984, с. 93). Однако, не забывая об отмечавшейся уже выше трудности „конкретной идентификации источников влияния“, следует согласиться с М. Пижурицей в том, что „глубина проникновения этих моделей, если они исключительно нового (скорее всего итальянского или венецианского) происхождения, удивляет. То, что эти модели могли найти „приемлемые структуры“ и в очень, вероятно, старых наносах, показывают частые топонимические синтагмы типа *grlo od mrtvice...*“ (Pižurica 1984, с. 94).

Следует, как нам кажется, обратить внимание на полную структурную идентичность этих топонимических названий, несомненно периферийных для языковой структуры вообще, и аналогичных албанских: поток о-шкурте (Вујовић 1969, с. 298) — *lumi i devollit; vrg od božurnoga vrga* (Pižurica 1984, с. 94) — *mali i dajtit*. Несомненно вторичность данных сербохорватских конструкций по отношению к албанским топонимам. Совпадения в структурном оформлении черногорских конструкций с предлогом ОД (синтагм типа: *vrg od božurnoga vrga; grlo od mrtvice; kita od jablanovca* (Pižurica 1984, с. 94); глаица о(д) пепела; гуштер о-магле (даждевњак) (Вујовић 1969, с. 298) и соответствующих генитивных албанских (*lumi i devollit; gjarpëri i kënetës*) могут быть объяснены лишь тем, что при калькировании последних в условиях развитого двуязычия препозитивный (синтагматический) артикль албанской синтагмы воспринимается носителем сербохорватского языка (при отсутствии в последнем категории определённость/неопределённость) если не как предлог, то по крайней мере как главный маркер синтаксической генитивной связи.

В этой связи небезынтересно, что, как пишет И. И. Воронина, „модель албанского генитивного словосочетания имеет следующий вид: ядро словосочетания + особый член словосочетания + генитивное определение: *shtëria e fshatarit* (дом крестьянина)“ (Воронина 1972, с. 144), причём по вышеуказанной модели конструируется любое албанское генитивное словосочетание. Артикль в такой синтагме, будучи грамматически зависимым от ядра, в то же время тесно структурно связан с зависимым членом словосочетания, то есть принадлежит одновременно обоим компонентам последнего. Таким образом, албанский синтагматический артикль „скрепляет словосочетание изнутри, соединяет в одно синтаксическое целое два существительных, формально выражая факт смысловой и синтаксической связи между ними“ (Воронина 1972, с. 146).

При калькировании подобных конструкций на сербохорватский место данного маркера и занимает наиболее близкая по структуре и синтаксической функции в словосочетании славянская языковая единица — предлог. В данном случае — первоначально аблативный предлог ОД, управляющий генитивом имени существительного. Определённое воздействие именно на такое восприятие албанского артикля носителем сербохорватского языка может оказывать и „функционирование частицы в роли предлога“ в самих северногегских албанских говорах. Так, в говоре Кельменди некоторые пространственные значения могут выражаться беспредложной конструкцией. „Роль предлога выполняет частица *i*, стоящая перед существительным (топонимическим)“: *kem ra i shkrel (nga shkrel, nëpër shkrel)*; *kem shkua i hot e kem dal n'rasa i fikut (nga hoti)*; *kem ra ga i bog (nga boga)* (Shkurtaј 1975, f. 68).

Не отрицая и несомненную роль калькирования ряда романских и албанских (с предлогами PREJ, NGA) предложно-падежных конструкций в развитии у предлога ОД ряда новых значений, мы хотели бы обратить внимание на своего рода „выравнивание“ структуры субстантивного словосочетания в черногорских говорах по единой модели (ОД + генитив), которая структурно идентична генитивной албанской синтагме. Это достаточно ярко показывает приводимая таблица соответствий:

Значение	Конструкции	
	сербохорватские	албанские
отношение к материалу	кошула о-лана слама о-зоби	buka e grurit lëngu i domateve
источник, происхождение лица или предмета	месо од-овце млеко о-краве дијете о-сестре	mishi i dërrit qumështi i lopës djemtë e punëtorëve
часть предмета и весь предмет посессивное	очи о(д) зеца домаћин от-куће	sytë e Evës drejtori i shkollës
качественная характеристика лица или предмета	чојак от-ријечи чојак од-бесе	njeri i bësës njeri i fjalës
отдельные конструкции	поток о-шкурте гуштер о-магле	lumi i devollit gjarpëri i kënetës

Список соответствий, вне всякого сомнения, может быть продолжен.

Отметим и факт совпадения тенденций развития синтаксиса именного словосочетания в славянских и албанских говорах черногорской контактной зоны. Учитывая, что соотношение: ОД + генитив (млеко о-краве) — посессивное прилагательное (кравље млеко) в черногорских говорах сопоставимо с соотношением: генитив (qumështi i lopës) — аблатив (qumësht lope) в албанском, нельзя не обратить внимания на отмеченные как сербскими, так и албанскими диалектологами тенденции: в черногорских говорах соответствующего разряда прилагательных либо вообще нет (Вујовић 1969, с. 298), либо они вытесняются из употребления; в албанских же гегских и боснийских говорах, по замечанию И. Ајети, „вместо аблатива стоит генитив“ (Ајети 1961, с. 103). И так, структурно идентичные албанские и сербохорватские конструкции, вытеснив конкурентные, оказываются практически единственно возможным в соответствующих говорах средством выражения генитивных значений,

своеобразной единой сербо-албанской структурной моделью N(Nom) + маркер + N(Gen) с различным лексическим наполнением.

И ещё одна параллель. Как албанская генитивная конструкция, так и сербохорватская с предлогом ОД обнаруживают одинаковую способность к адвербиализации (правда, приводимые примеры имеют различные значения): *Ai është i fjalës* (*Ai është njeri i fjalës*); ако те виде од војводе неће ти дат да прођеш (ако те виде људи од војводе...).

В сербохорватских говорах черногорской контактной зоны инновацией является расшатывание оппозиции социатив/инструментал орудия, выражающейся в славянских языках (в том числе и литературном сербохорватском) противопоставлением конструкций беспредложный инструментал (копа мотиком) и С + инструментал (иде с Иваном).

Наиболее широкий ареал охватывает проникновение предлога С с инструменталом в сферу употребления беспредложного инструментала, то есть, появление у данной конструкции орудийного (собственно инструментального) значения: гађаше га са-пушкама (Вујовић 1969, с. 300); ми смо ловили су мрежом; еси л то мога све покосит су оном тупом косом; дошли су с лађама преко блата; наћерамо камена су с колима (Петровић 1974, с. 172); разбио му је главу с каменом; неће се мој с мотиком но га прекопајте с палом; вежи сино с уривком (Стевановић 1933, с. 528); ударијо-га-је з-дрвом; дофати воде с ламицом (Милетић 1940, ц. 528). При этом исконно употреблявшийся в орудийном значении беспредложный инструментал либо исчезает (в говоре Мрковичей “правильные примеры скорее случайность, чем результат действия языкового чутья” (Вујовић 1969, с. 302)), либо функционирует параллельно с инновацией (Врака, Црмница).

Разрушение оппозиции происходит и в обратном направлении: беспредложный инструментал начинает употребляться в социативном значении: оћаше се Мујом; мину волома; иде орудом; ви тргујете Реком и Виром (Вујовић 1969, с. 304); дође један царски слук азнама на-коња (азне = новац, благо) (Вујовић 1969, с. 370); мужом лежи а никат ш њим не збори; Симом сам дружио много; није се враћа но е отиша Раком и ујаком; копала на баштину а домаћином није зборила; седамнајс година сам ја јетрвом љеба јела (Петровић 1974, с. 172); нешто се свађа директором; не смијем пустијем коњем; бљеше Милићем у пријатеља; познаје се Радованом; не смијемо прасадма тако рано кретат (Стевановић 1933, с. 109); играју-се ћецом; данас овудијен пасаше Кучи офцама; бљеше поша И(в)ом у-тазбину (Милетић 1940, с. 532). Примеры подобного рода отмечены и в говоре Нижней Зеты: бијо сам тамо Раком Матића; о марту са(м) диза офцама (Петровић 1974, с. 172, сноска). Необходимо отметить, что лишь в говоре Мрковичей социативное значение выражается инструменталом „почти всегда без предлога С, кроме как перед местоимениями, особенно указательными“ (Вујовић 1969, с. 304); в остальных говорах употребление в этом значении предлога С регулярно (Стевановић 1933, с. 108; Милетић 1940, с. 531; Петровић 1974, с. 172–173). В „восточночерногорском диалекте“ существенно географическое распределение примеров „беспредложного социатива“: он известен исключительно

в зетскоподгорицкой и кучскобратоножичской частях говора; именно из этих районов все 11 примеров, приводимых М. Стевановичем (Стевановић 1933, с. 109).

Отмечены колебания в употреблении обеих конструкций при выражении значения „характеристика действия“: учињет то тешко(м) муком (Милетић 1940, с. 532); нагна-сам-га с-вельом муком (Милетић 1940, с. 532), и в ряде других значений: (просекутив) идем овом улицом; со-тим путем иди (Вујовић 1969, с. 302); это Нико-Са(в)о(в) иде с-пољем (Милетић 1933, с. 533); идемо снегом; пошо-е мором (Вујовић 1969, с. 302); немо одит пољем (Милетић 1940, с. 533); (качественная характеристика) чек брадом (Вујовић 1969, с. 307); ко оно бљеше дугачком косом; нијесам гледа ђојку сас љепчим стасом до ону твоју (Петровић 1974, с. 172); и мали с тијелом могу бити велики с душом (Стевановић 1933, с. 108); (объект действия) послужи-не ракијом; послужише-не с ка(в)ом (Милетић 1940, с. 128); („славянский инструментал“) дог-беше ђететом послушна-ли беше; док сам била ж-ђојком друкче-(ј)е било (Милетић 1940, с. 530).

Интересно, что в говоре Црмници Б. Милетичем не обнаружено проникновения предлога С в ряд конструкций: доша-сам јутром рано; родом-(ј)е из Ли(м)њана а-домом из-Брчели (Милетић 1940, с. 533, 531).

Приведённый материал свидетельствует в первую очередь о широком распространении в говорах черногорской зоны конструкции „предлог С + инструментал“, которая, приобретая ранее не свойственные ей значения и вытесняя беспредложный инструментал, становится основным средством выражения социативно-орудийных и иных описанных выше значений. Эта тенденция, несомненно, является ведущей в говоре Црмници и „восточночерногорском диалекте“. С другой стороны, говор Мрковичей в выборе средств выражения социативного значения демонстрирует обратную тенденцию: здесь употребительнее беспредложный инструментал (мину волома). При этом во всех остальных рассмотренных выше значениях либо обе конкурирующие конструкции равноупотребимы, либо частотнее С + инструментал.

Причиной такого развития сербские диалектологи единодушно считают иноязычное влияние. М. Стеванович, объясняя проникновение предлога С в конструкции типа то је најбогати селяк и са живијем и са земљом, говорил о „несомненном опосредованном или непосредственном итальянском влиянии“ (Стевановић 1933, с. 108). П. Ивич считает, что „во всё этом видно романское и албанское влияние“ (Ивић 1956, с. 163). Несомненно следует признать таковое влияние на расширение сферы употребления конструкции с предлогом С (очевидно её структурное соответствие аналогичным романской и албанской предложным конструкциям). Однако, если принять во внимание действие, хотя и ограниченное, противоположной тенденции в говоре Мрковичей, это объяснение явно недостаточно. По-видимому, иноязычное влияние (расширение функций предлога С под воздействием неславянских предложных конструкций) было лишь „начальным импульсом неразличения социатива и инструментала орудия“ (Pižurica 1984, с. 93). Дальнейшее же развитие, пройдя период конкуренции обеих форм во всех значениях, вело к выбору и закреплению

одной из них (конструкции с предлогом С для всех описываемых значений в основной массе говоров зоны и беспредложного инструментала для социативного значения в говоре Мрковичей).

Важен и тот факт, что в последнем, согласно данным описавшего этот говор Л. Вуйовича, обнаруживается своеобразная тенденция к восстановлению оппозиции социатив/инструментал. Действительно, в этом говоре беспредложный инструментал, будучи вытесненным из своей исконной сферы употребления конструкцией С + инструментал, приобретает социативное значение, сам в свою очередь вытесняет из данного значения конкурентную предложную конструкцию. Оппозиция восстанавливается, но члены её как бы поменялись местами (идем с Иваном — копам с мотиком \Rightarrow идем Иваном — копам с мотиком). Это означает, что внутреннее развитие, вызванное расшатыванием оппозиции социатив/инструментал (в данном случае под внешним воздействием), привело к восстановлению той же оппозиции.

Таким образом, утрата оппозиции социатив/инструментал является не обязательным, но лишь возможным следствием расширения под иноязычным воздействием функций конструкции С + инструментал, то есть, влияние романских и албанского языков (для систем которых данная оппозиция не является релевантной) не ведёт к её обязательной утрате в сербохорватских черногорских говорах. Именно поэтому в данном случае было бы корректнее говорить не об утрате оппозиции, а о её расшатывании под иноязычным воздействием, что может в результате дальнейшего внутреннего развития (конкурентной борьбы форм) иметь результатом её утрату.

СХЕМА 1

ОБЩЕСЛАВЯНСКОЕ СОСТОЯНИЕ:

	СОЦ.	ИНСТР.
	+++++++	
	- беспредложный инструментал	
++	- с + инструментал	

„ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ“
(ГОВОР ЦРМНИЦЫ, ВОСТОЧНО-
ЧЕРНОГОРСКИЙ ДИАЛЕКТ):

	СОЦ.	ИНСТР.
	+++++++	+++++++

ГОВОР МРКОВИЧЕЙ:

	СОЦ.	ИНСТР.
	+++	+++++++ +++++

Развитие способов выражения значений социатива и инструментала в черногорских говорах в целом представлено на схеме 1.

Отметим также ещё одно обстоятельство. Беспредложный инструментал лучше сохранён и наиболее активен прежде всего в говорах, наиболее тесно контактирующих с албанским языком (Мрковичи, Врака). Об этом же говорит и географическое распределение конструкций с беспредложным инструменталом в „восточночерногорском диалекте“. Пока нам ещё не совсем ясно, какое отношение имеет этот факт к тому, что в ряде северногегских албанских говоров для выражения ограничительных отношений часто используются не аккузативные конструкции с предлогом МЕ, а падежи без предлога. В говоре Кельменди эти отношения может выражать беспредложный аблатив: *i math shtatit (i math me trup); jam kput kamsh (më janë këputur këmbët)* (Shkurtaј 1975, с. 68). Аблатив может выполнять эти же функции и в говоре Хоти: *i math shtatit; a kput kamsh; ka luoјit me; jam çkue teshash* (Shkurtaј 1974, с. 394). Согласно данным Г. Шкуртая, в этом говоре и „обстоятельство орудия“ (plotësi i mjetit) иногда выражается беспредложным аккузативом: *i ka ra pesh „i ka ra me peshë“; e ka pre: kme:s „e ka pre me këmesë“; e ka the:r tfurk „e ka therë me tfurk“; t çaj pollovina „te çaj me pollovina“* (Shkurtaј 1974, с. 394).

В исследуемых говорах широко распространено явление утраты локатива при предлогах У и НА. Его значения, как пространственные так и переносные, выражаются теми же предлогами с аккузативом (бывшим коррелятом локатива при этих предлогах по оппозиции цель движения/местонахождение: идем у град — живим у граду): (место) волоје купувасмо у Скадар (Вујовић 1969, с. 310); кућа му је у Раш (Петровић 1974, с. 169); што је граја у село? (Стевановић 1933, с. 104); нема још тога зла у-наше крајеве (Милетић 1940, с. 480); свилу-је купува на-Вир (Вујовић 1969, с. 310); живи на Копилје (Стевановић 1933, с. 104); лежи на тра(в)у (Милетић 1940, с. 481); (время) у петнајсту годину са(м) родила дијете (Петровић 1974, с. 169); (способ) река му је у-љутњу (Петровић 1974, с. 169) и т.д.

В данном случае произошло сокращение числа падежей, с которыми употреблялись эти предлоги, до одного — аккузатива. Утрата локатива при этих предлогах, вне всякого сомнения, вызвана албанским и романским влиянием (Ивић 1956, с. 163): в этих языках нет характерной для славянских языков оппозиции цель/место, выражающейся, в частности, противопоставлением аккузатива и локатива при предлогах У, НА. В албанском, например, те же значения будут выражаться предлогом НЕ с одним и тем падежом (аккузативом *në qytet* в литературном языке, локативом *n pyllt „in den Wald“; në letrët „in dem Brief“* в ряде тоскских диалектов) (Buchholz 1987, с. 243, сноска). Важно отметить, что в данном случае языковой контакт не приводит к полной утрате локатива в черногорских говорах: будучи вытесненным из ряда своих значений аккузативом, он сохраняется как живая категория при предлогах О, ПО, ПРИ.

Более сложную картину представляет употребление в сербохорватских говорах черногорской контактной зоны аккузатива и инструментала при

предлогах НАД, ПОД, ПРЕД, ЗА. Исследуемые говоры демонстрируют единство только в том, что во всех них утрачено различия аккузатива как падежа цели движения (идем под шатор) и инструментала как падежа местонахождения (стоим под шатором).

В „восточночерногорском диалекте“ результатом этого является то, что при предлогах НАД, ПОД, ПРЕД и ЗА инструментал и аккузатив абсолютно равноупотребимы как в лативном, так и в локативном значении: (место) стоји над ону велику провалију; сваки дь^ан дојаве над нашим катуном ка да се ругају (Стевановић 1933, с. 107); сваке године летују под Каменик; не квасиш се барем ти под шатором (Стевановић 1933, с. 107) и т.д.; (цель) изађи пред врата; изиђи пред кућом (Стевановић 1933, с. 106); умб^аче се за брдо; метни тамо за креветом (Стевановић 1933, с. 106, 107) и т.д.

Ни один из падежей ни при одном из предлогов не обнаруживает тенденции к монополизации какого-либо значения. „Восточночерногорский диалект“ демонстрирует то „переходное состояние“ равновесия, которое должны были пройти в своём развитии все говоры исследуемой зоны.

Иная ситуация в говоре Црмници. Здесь аккузатив практически полностью отступил перед инструменталом в области выражения целевого значения; употребляются только конструкции типа: ста(в)и та јаја по(т)-кокошком (Милетић 1940, с. 487). Аккузатив при предлогах НАД, ПРЕД, ЗА возможен лишь в „исключительных случаях“, а при предлоге ПОД и „с географическими понятиями“: увече-смо отишли под-брдо (Милетић 1940, с. 488). Интересно, что, утратив своё исконное целевое значение, аккузатив в этом говоре при предлогах ПРЕД и ЗА в значении „место“ употребляется наряду с инструменталом. При двух же других предлогах (НАД и ПОД) аккузатив реже инструментала (Милетић 1940, с. 492—493). Таким образом, оба пространственных значения могут выражаться в говоре инструменталом, а в переносных значениях отмечены колебания в употреблении обоих падежей.

Итак, в говоре Црмници несомненно проявляется ещё не закончившая своё действие тенденция к ограничению функционирования аккузатива с предлогами НАД, ПОД, ПРЕД, ЗА в пространственных значениях, что ведёт к монопольному закреплению обоих этих значений за инструменталом. Последний же стремится стать единственным падежом управления при данных предлогах.

В говоре Мрковичей ситуация ещё более своеобразна: исследуемые предлоги (в говоре нет предлога НАД) как бы разделились на две группы, одна из которых (ПОД) тяготеет к употреблению во всех значениях с аккузативом (Милетић 1940, с. 311), вторая (ПРЕД, ЗА) — также во всех значениях с инструменталом. Это состояние сопоставимо с положением в албанском языке, где предлоги PARA, PAS („перед“, „за“) употребляются с аблативом, в то время как MBI и NËN („над“, „под“) управляют аккузативом.

Повторим, что, по всей видимости, „восточночерногорский диалект“ демонстрирует некое „переходное“ состояние равновесия, которое должны

были пройти в своём развитии все говоры черногорской контактной зоны. В дальнейшем, в результате нарушения этого равновесия, сферы употребления аккузатива и инструментала дифференцируются таким образом, что каждый предлог стремится к управлению во всех значениях только одним падежом — либо аккузативом, либо инструменталом.

Графически эти процессы представлены на схеме 2.

СХЕМА 2

ОБЩЕСЛАВЯНСКОЕ СОСТОЯНИЕ:

ЦЕЛЬ	МЕСТО
++++++	

– инструментал

– аккузатив

„ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ“
ВОСТОЧНО-ЧЕРНОГОРСКИЙ ДИАЛЕКТ:

ЦЕЛЬ	МЕСТО
++++++	++++++

ГОВОР ЦРМНИЦЫ:

ПРЕДЛОГИ *над, под*

ЦЕЛЬ	МЕСТО
	++++

ПРЕДЛОГИ *пред, за*

ЦЕЛЬ	МЕСТО
	++++++

ГОВОР МРКОВИЧЕЙ:

ПРЕДЛОГ *под*

ЦЕЛЬ	МЕСТО
++++++	++++++
++++++	++++++

ПРЕДЛОГИ *пред, за*

ЦЕЛЬ	МЕСТО

Способы выражения так называемого „датива цели“ в черногорских говорах также претерпели значительные изменения, связанные с утратой оппозиции лативность/локативность, цель/место, выразившейся ранее в противопоставлении „динамических“ целевых конструкций „статическим“ местным (иду к другу — я был у друга). Эти процессы тесно связаны с утратой этой же оппозиции в системе пространственных наречий, возникшей под романским и албанским воздействием.

Беспредложный датив цели и конструкция К + датив (восходящие

исторически ещё к праславянскому) либо совсем редки: да идете кућама своима (Милетић 1940, с. 298); иди к ономе ћетету (Петровић 1974, с. 168), либо полностью вытеснены из употребления. Значение „дели перемещения“ в этих говорах выражается рядом предложно-падежных конструкций, которые могут быть классифицированы следующим образом:

конструкции с первообразными предлогами У, ПРИ, общеславянскими по происхождению, имевшими первично лишь значение „местонахождение“: ајде у Илије да донесеш рало; дош^а је у тетке (Стевановић 1933, с. 102); поша е у Ибра Медова; отишли су у Марка нашега (Стевановић 1933, с. 163); одвели су не при-гори; води га при-блату; а он се све прибија при оној ћеци мојој (Петровић 1974, с. 174); понеси то при-винограду; зва-сам-га да дође при-мене (Милетић 1940, с. 534);

конструкции с собственно сербохорватскими предлогами,

а) имевшими первоначально статическое значение (КОД): дође мусафир ко-те сиромашнице (Вујовић 1969, с. 369);

б) возникшими как предлоги с динамическим значением „направление движения“ ПУТ и ПРЕМА: идем пу(т)-Бара (Вујовић 1969, с. 299); минуше тамо пу-цркве (Петровић 1974, с. 163);

конструкция ГЕ + номинатив, возникшая в результате калькирования албанской ТЕК + номинатив. Это локальное новообразование отмечено только в говоре Мрковичей: пођосмо ге-ца^омија на Куње; дошла-си ге-ђевојка (Вујовић 1969, с. 269—270).

Принятие „статическими“ конструкциями „динамических“ значений в черногорских говорах несомненно является примером самостоятельной внутренней перестройки славянской языковой системы, вызванной утратой в результате языкового контакта оппозиции цель/место.

Вместе с тем во всех исследуемых говорах при обозначении движения и какой-либо цели часто употребляются и „двойные“ предложные конструкции (ЗА У, ЗА НА): воду-су-им прекинули која је ишла за-у-град (Вујовић 1969, с. 299); кренуо је за у Америку (Стевановић 1933, с. 105); кренуо је за у Скадар (Петровић 1974, с. 171); мислите ли скоро за на планину? намислио је за на Цетиње (Стевановић 1933, с. 105); спрема се за на Цетиње (Петровић 1974, с. 171), имеющие полное структурное соответствие в албанском языке (për në shtëpi и т.д.). Наличие этих соответствий позволяет объяснить удвоение предлогов не эллипсисом в предложениях типа: спремио се за путовање у Бар — спремио се за у Бар, как это делает М. Стеванович (Стевановић 1933, с. 105), а калькированием албанской конструкции. Это подтверждается также тем, что в говоре Мрковичей обнаруживается достаточно большое число конструкций с двумя предлогами (не только в чисто пространственном значении), для многих из которых можно найти албанские соответствия (për tek; deri në; gjer në и т.п.): за ге идите? (с. 299); пуштак волове, пратик-ге пу(т)-куће (с. 366); ови Тођемили су пратили и вратили тога њиова до преко границе (с. 377); имај у дрвак за-преко-зиме (с. 299). Естественно также предположить, что на основе заимствованной и адаптированной модели в говоре создаются и новые конструкции, не имеющие прямых иноязычных соответствий, —

заимствуется как бы идея выражения тех или иных значений с помощью простого удвоения предлогов.

Инновация в сфере предложно-падежного синтаксиса могут быть и простым калькированием отдельных предложно-падежных конструкций. Примером этого является употребление предлога БЕЗ (обычно управляющего генитивом) с аккузативом или номинативом существительного в говоре Враки: остала сам у Приштину без-џаолги залагај леба су четворо ђеце; никога немам без једну сестру (Петровић 1974, с. 171), что соответствует албанской конструкции РА + аккузатив.

В говоре Мрковичей отмечены также случаи прямого заимствования предлогов. Так, из романского через албанское посредство заимствован предлог СУПРАЈ „по, в соответствии с, в зависимости от“ (с рядом фонетических вариантов): како су плаћали? — супрај годинак како су биле (према годинама) (Вујовић 1969, с. 282). Из турецкого заимствован предлог КАРШИ „напротив“, известный и албанскому языку: школа-е карши онога дуба (Вујовић 1969, с. 282).

Рассмотренный материал показывает, что наибольшее значение для падежного и предложно-падежного синтаксиса имеют процессы инициации разрушения языковой оппозиции и монополизации одного из способов выражения каких-либо отношений. В синтаксисе сербохорватского языка существуют структурно-семантические оппозиции, представленные двумя коррелятами — падежными формами (коррелят-1 и коррелят-2). Если, например, коррелят-1 имеет структурное соответствие в контактирующем с сербохорватским языке (для которого данная оппозиция не релевантна), и в то же время это структурное соответствие, выражая те же отношения, является и семантическим соответствием обоих коррелятов, то происходит проникновение коррелята-1 в сферу функционирования коррелята-2, что может иметь своим следствием разрушение оппозиции в сербохорватском языке.

Дальнейшее развитие происходит как бы два этапа. Первый можно было бы назвать „переходным“; основное его содержание либо во внутриязыковой конкурентной борьбе форм, бывших ранее коррелятами по оппозиции (причём такой внешний фактор как наличие у одного из коррелятов структурного соответствия в контактирующем языке не обязательно играет решающую роль в отборе и закреплении форм), либо в отсутствии всякой конкуренции между этими формами. Конкурентная борьба форм ведёт ко второму этапу развития. В исключительных случаях подвергшаяся разрушению оппозиция может восстанавливаться: семантические различия вновь вызывают к жизни необходимость различения форм, создание новых коррелятов в той же оппозиции. Но всё же главным содержанием данного этапа развития является полная победа одной из конкурирующих форм, принимающей значения как первого, так и второго коррелята и становящейся монопольным средством выражения тех или иных отношений. Если принять во внимание тот факт, что и в контактирующем языке те же отношения выражаются монопольно одной конструкцией, то нетрудно сделать вывод, что в целом всё это развитие имеет своей целью адаптацию с помощью собственно сербохорватских средств определённого

„способа грамматического мышления“ (по терминологии И. Грицкат), характерного именно для контактирующего с сербохорватским языка.

Так, для албанского характерно, что предлоги MBI, NËN, PARA, PAS управляют лишь одним падежом (аккузативом: NËN, MBI или аблативом: PARA, PAS). Идея однопадежного управления адаптируется в черногорском говоре Црмници таким образом, что соответствующие вышеназванным албанским сербохорватские предлоги НАД, ПОД, ПРЕД, ЗА тяготеют к управлению исключительно инструменталом, а в говоре Мрковичей её реализация ещё более приближена к „албанской модели“: предлог ПОД тяготеет к аккузативу, а предлоги ЗА и ПРЕД — к инструменталу.

Достаточно широко распространённым явлением в предложно-падежном синтаксисе сербохорватских говоров черногорской контактной зоны является прямое калькирование лексико-синтаксических моделей романских и албанского языков, причём, как мы пытались показать, предложения калькируются не только иноязычные предлоги, но и морфосинтаксические единицы, функции которых, подобно функциям албанского препозитивного артикля, могут восприниматься как предложные.

Отметим также способность ряда сербохорватских предложно-падежных конструкций самостоятельно развивать новые, ранее им не свойственные значения (например, в результате утраты в говоре оппозиции цель/место), а также тот факт, что прямое заимствование предлогов, несмотря на условия тесного лингвоэтнического контакта, остаётся явлением локальным и для языковой структуры периферийным.

СОКРАЩЕНИЯ

СДЗб — Српски дијалектолошки зборник

Црногорски говори — Црногорски говори: Резултати досадашњих испитивања и даљи рад на њиховом проучавању, Црногорска академија наука и умјетности. — Научни скупови, књ. 12, Одјељење умјетности, књ. 3, Титоград, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Бирнбаум 1968 — Бирнбаум Г.: Славянские языки на Балканах и понятие так называемых языковых союзов, *Glossa*, vol. 2, I 1968, с. 70–92.

Воронина 1972 — Воронина И. И.: О структурном своеобразии албанского генитивного словосочетания, *Вестник Ленинградского университета*, 1972, №8, серия: История, язык, литература; вып. 2, с. 144–146.

Вујовић 1969 — Вујовић Л.: Мрковићки дијалекат, СДЗб, књ. 18, 1969, с. 73–398.

Ивић 1956 — Ивић П.: Дијалектологија српскохрватског језика, Нови Сад, 1956.

Милетић 1940 — Милетић Б.: Црмнички говор, СДЗб, књ. 9, 1940, с. 209–663.

Петровић 1974 — Петровић Д.: Из синтаксичке проблематике говора Врачана, *Годишњак Филолошког факултета у Новом Саду*, књ. 17/1, 1974, с. 161–182.

Попов 1984 — Попов Б.: Положај српскохрватског језика у балканском језичком савезу, *Јужнословенски филолог*, књ. 40, 1984, с. 21–43.

- Ровинский 1897 — Ровинский П. А.: Черногория в её прошлом и настоящем. Том 2. Часть 1. Этнография, Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 63, СПб, 1897.
- Селищев 1931 — Селищев А. М.: Славянское население в Албании, София, 1931.
- Стевановић 1933 — Стевановић М. С.: Источноцрногорски дијалекат, Јужнословенски филолог, књ. 13, 1933—1934, с. 1—129.
- Ajeti 1961 — Ajeti I.: Istorijски razvitak gagijskog govora Arbanasa kod Zadra, Naučno društvo SR Bosne i Hercegovine. Djela, knj. 16 (Balkanološki institut, knj. 3), Sarajevo, 1961.
- Alexander 1983 — Alexander R.: On the Definition of Sprachbund Boundaries: The place of Balkan Slavic, Ziele und Wege der Balkanlinguistik, Berlin, 1983, p. 13—26.
- Buchholz 1987 — Buchholz O., Fiedler W.: Albanische Grammatik, Leipzig, 1987.
- Ђокај 1984 — Ђокај Ђ.: Неке карактеристике говора Албанаса у Црној Гори и узajамни uticaji црногорских и албанских говора, Црногорски говори, с. 179—187.
- Пиџурка 1984 — Пиџурка М.: Tragovi међујезићких dodira u govorima Crne Gore, Црногорски говори, с. 83—95.
- Schaller 1975 — Schaller H. W.: Die Balkansprachen, Heidelberg, 1975.
- Sedlaček 1970 — Sedlaček J.: Význam studia srbocharvatského jazyka pro balkanistiku, Studia balkanika bohemoslovaka, Brno, 1970, s. 291—296.
- Shkurtaј 1974 — Shkurtaј Gj.: E folmja e Hotit, Dialektologjia shqiptare, 2, Tiranë, 1974, f. 344—428.
- Shkurtaј 1975 — Shkurtaј Gj.: E folmja e Kelmendit, Dialektologjia shqiptare, 3, Tiranë, 1975, f. 5—129.

Резиме

А. Н. Соболев

НАПОМЕНЕ О ПАДЕЖНИМ СИСТЕМИМА СРПСКОХРВАТСКИХ ГОВОРА КОНТАКТНИХ ЗОНА

Истражујући зону лингвистичких контаката у граничном географском појасу између Црне Горе и Албаније и усредсређујући своју пажњу на говор тамошњег црногорског живља, аутор утврђује принципе по којима је долазило до измена у оквиру наслеђеног падежног система под утицајем суседног албанског језика.